

В. Н. Ярхо

О НЕКОТОРЫХ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ГОМЕРИЗМАХ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ *

ПОВОДОМ для размышлений, составляющих содержание предлагаемой статьи, послужило ознакомление с исследованием молодого филолога А. Сидераса о гомеризмах в трагедиях Эсхила¹. Автор этой работы поставил своей задачей выявление и классификацию в языке Эсхила лексических и фразеологических единиц, заимствованных «отцом трагедии» из эпического словаря или образованных им по «гомеровским» моделям. Как я уже имел возможность заметить в рецензии на книгу А. Сидераса², он толкует понятие «гомеризм» достаточно расширительно, находя влияние Гомера на Эсхила даже там, где речь должна идти о подчинении обоих авторов законам греческого языка. Для настоящего доклада, однако, более важными представляются возникающие при ознакомлении с работой Сидераса вопросы методологического характера, связанные с формированием поэтического языка древних греков.

Дело в том, что Сидерас, естественно, отнюдь не является первым ученым, обратившим внимание на гомеровские элементы в языке Эсхила, — напротив, его книга лежит целиком в русле добротной филологической традиции, насчитывающей свыше столетия и давно уже вовлекшей в свою орбиту лексику всех трех афинских трагиков. Не считая специальных работ на этот счет³, нет, по-видимому, ни одного сколько-нибудь серьезного комментария к трагедиям Эсхила (как впрочем, и к одам Пиндара, и к «Истории» Геродота, и ко всем остальным памятникам греческой словесности архаического и классического периода), в котором бы не выявлялись очевидные или кажущиеся таковыми «гомеризмы». Поскольку же А. Сидерас хорошо знает многочисленные комментированные издания Эсхила, равно как и прочую обширную литературу, его книга — точнейшее отражение идей и представлений о формировании древнегреческого литературного языка, вырабатывавшихся в классической филологии в течение тех многих столетий, когда гомеровские поэмы являлись первым памятником древнегреческого языка. И если бы исследование Сидераса вышло в свет каких-нибудь 20 лет тому назад, его методология не вызвала бы, вероятно, никаких возражений.

* Расширенный текст доклада, прочитанного 7.VI.1972 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР на чтениях, посвященных памяти доктора филологических наук, профессора И. М. Тронского.

¹ A. S i d e r a s, Aeschylus Homericus. Untersuchungen zu den Homerismen der aischyleischen Sprache, Göttingen, 1971.

² «Deutsche Literaturzeitung», т. 93 (1972), № 6, стр. 478—482.

³ См. S i d e r a s, ук. соч., стр. 12—14.

Сейчас, однако, после дешифровки микенского линейного письма В, положение существенно изменилось. «До недавнего времени в засвидетельствованной памятниками истории греческого языка Гомер был началом всех начал. Всякое исследование языка позднейшей греческой литературы проходило в невольном сопоставлении с гомеровским эпосом в его законченных формах, и всякое сходство поэтического языка различных греческих областей — с Гомером, будь то лесбосская лирика Алкея или Сапфо или оды беотийца Пиндара, рассматривалось как прямой гомеризм. В настоящее время эпический язык Гомера уже перестал быть исходным пунктом, так как он несомненно является продолжением языка микенских песнопений, о диалектной основе которых дает известное представление язык микенских деловых документов. Все существовавшие взгляды на развитие греческого литературного языка нуждаются в пересмотре наряду с историей греческих диалектов. Это одна из насущнейших задач языковедов-классиков на современном этапе развития науки» — говорил И. М. Тронский в докладе, посвященном итогам развития микенологии⁴. Открытие «микенского» диалекта внесло ясность, прежде всего, в вопрос о происхождении самого гомеровского языка: его основу составил, по-видимому, уже в ахейские времена некий поэтический наддиалект, переживший затем эолийскую и ионийскую стадии своего оформления⁵. В том же, что касается лексики, расшифровка микенских табличек выявила, на чьей стороне была правда в давнем споре между С. Баура и М. Лойманом.

Как известно, С. Баура в двух статьях, опубликованных в 1926 и 1934 гг., высказал хорошо обоснованное предположение, что некоторые «поэтизмы» гомеровского языка восходят к повседневной речи ахейских времен, остатки которой сохранились в аркадском и кипрском диалектах классической эпохи⁶. Однако М. Лойман, теоретически признававший значение обиходной речи для формирования эпического языка⁷, на практике решительно сопротивлялся попыткам найти следы этого языкового слоя в уже упомянутых живых диалектах. Появление в аркадских или кипрских документах таких слов, как $\alpha\iota\sigma\alpha$, $\delta\epsilon\mu\alpha$, $\alpha\nu\lambda\epsilon\chi$ и т. п., он объяснял воздействием гомеровского языка через метрические надписи — надгробия или посвящения, выдержанные в духе эпической поэзии⁸. Что же касается одиночных глосс из кипрского, сохраненных поздними грамматиками, то Лойман вообще был склонен считать их появление следствием простого смешения существительного $\omicron\iota$ Κύπριοι («киприоты») с названием несохранившейся эпической поэмы Τὰ Κύπρια ($\epsilon\tau\eta$)⁹.

Дешифровка микенских табличек показала, что Лойман ошибался: уже известные из аркадо-кипрского $\delta\epsilon\mu\alpha\varsigma$, $\pi\epsilon\delta\iota\lambda\alpha$, $\phi\acute{\alpha}\sigma\tau\alpha\nu\omicron\nu$ вместе с вышеупомянутыми $\alpha\iota\sigma\alpha$ и $\alpha\nu\lambda\epsilon\chi$ оказались вполне обиходными словами в языке древних ахейцев, и лишь использование их в эпосе придало им определенную стилистическую окраску, сделав в последующей литературе достоянием поэтических жанров¹⁰. Факт этот важен не только для

⁴ ВДИ, 1971, № 2, стр. 92.

⁵ Ср. И. М. Т р о н с к и й, Язык Гомера, «Вопросы языкознания», 1971, № 3, стр. 108—114.

⁶ С. М. В о w r a, Homeric words in Arcadian inscriptions, «Class. Quarterly», 20 (1926), стр. 168—176; Homeric words in Cyprus, JHS, 54 (1934), стр. 54—74.

⁷ М. Л е u m a n n, Homerische Wörter, Basel, 1950, стр. 14.

⁸ Этой точки зрения и сейчас придерживаются многие исследователи. Ср. А. Т h u m b, Handbuch der griechischen Dialekte, 2 Teil, 2. Aufl., von A. Scherer, Heidelberg, 1959, стр. 137 сл.

⁹ Л е u m a n n, ук. соч., стр. 272 сл.

¹⁰ Почему определенные слова из синонимичных пар, представленных в эпосе, стали восприниматься как поэтизмы (например, $\phi\acute{\alpha}\sigma\tau\alpha\nu\omicron\nu$ и $\alpha\nu\lambda\epsilon\chi$), в то время как другие сохранились в обыденном языке (например, $\xi\iota\phi\omicron\varsigma$ и $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$), вероятно, так же

объяснения п р и р о д ы гомеровского эпоса ¹¹: он имеет, на наш взгляд, несомненное методологическое значение также для процессов, происходивших на п о с л е д н е й с т а д и и его оформления.

Само собой разумеется, что в лексическом составе гомеровских поэм имеется достаточное количество слов обычного греческого языка, без которых творчество рапсодов было бы попросту непонятно слушателям, и никому, конечно, не приходит в голову считать гомеризмами такие слова, как ἀγαθός, ἀγαπάω, ἀγρός, ἄγω (я беру подряд из гомеровского словаря) и многие другие. Наряду с этим в гомеровском тексте встречаются и такие слова, которые редко попадают в литературном аттическом диалекте; для других параллельным свидетельством служит «История» Геродота,— слова обеих этих групп большинство ученых обычно считает прямыми заимствованиями из Гомера, причем в отношении Геродота они находят поддержку в единодушно цитируемом высказывании псевдо-лонгиновского трактата «О возвышенном» (13,3), где Геродот прямо назван ὁμηρικώτατος ¹². Многовековая привычка вести начало всего греческого литературного языка от Гомера приводила (и до сих пор иногда приводит) к тому, что и у других авторов классической эпохи также неоднократно пытались установить степень их «гомеризации».

Конечно, не следует пренебрегать результатами, достигнутыми при подобных сопоставлениях: иногда они с очевидностью указывают на сознательное цитирование более поздним автором гомеровской фразеологии ¹³; иногда, напротив, сличение сходной лексики позволяет установить, в каком направлении п е р е о с м ы л и с ь эпические представления о нравственных нормах или внутреннем мире человека ¹⁴. Ту или иную позицию по отношению к гомеровскому эпосу занимал всякий древнегреческий поэт, философ, историк, и эта позиция определенным образом влияла

трудно объяснить, как предпочтение, оказанное при формировании современного русского языка западославянским «шлему» и «плену» при отнесенных к категории архаизмов «вратам», «браздам» и т. п. Легче поддается объяснению выбор, производимый эпическим автором по метрическим соображениям: из двух синонимов, ἀλλόθροος и ἀλλόγλωσσος, рапсод выбирает первый, который в сочетании ἐπ' ἀλλοθρόους ἀνθρώπους (Od. 1,183) дает дактиль с двумя спондеями; форма ἀλλογλώσσους этому требованию не отвечает.

¹¹ См. J. C h a d w i c k, Myscnaean elements in the Homeric dialect, в сб. «Minoica. Festschrift zum 80 Geburtstag von J. Sundwall», Berlin, 1958, стр. 116—122; C. J. R u i j g h, L'élément achéen dans la langue épique, Assen, 1957.

¹² Кстати говоря, это определение употреблено в трактате вне всякой связи с оценкой словаря или словотворчества Геродота. В гл. 12 и 13 речь идет об источниках вдохновения, позволяющих писателю достигнуть высот возвышенного, и в качестве одного из таких источников автор называет стремление подражать великим творцам прошлого и соревноваться с ними в широте изображения. С э т о й точки зрения «подражателем» Гомера может быть назван и Платон, который, однако, по его отношению к автору «Илиады» и «Одиссеи» меньше всего является ὁμηρικώτατος. Ср. Н. В. R o s e n, Eine Laut- und Formenlehre der herodotischen Sprache, Heidelberg, 1962, стр. 233 и 244, прим. 65.

¹³ Так, например, естественно, что в хоровой лирике, когда она воспроизводит «эпические» ситуации, обнаруживаются «гомеровские» формулы; из числа примеров, ставших известными в последние годы, можно указать на папирусные фрагменты поэмы Пиндара о Геракле (POx 26, 2450,— см. C. P a v e s e, The new Heracles Poem of Pindar, HSt 72, 1968, стр. 47—88, особ. стр. 74, 86) или папирусные же отрывки Степхора (POx 32, 2617—2619; 35, 2735,— см. В. S n e l l, «Gnomon» 40, 1968, стр. 120, и W. L u r p e, ib., 43, 1971, стр. 115). Точно так же форма οὐλεμένας у Эсхила (Prom. 397), в которой уже у Гомера начальное о удлиняется не вследствие выпадения дигаммы, а только ради потребностей эпического стихосложения, должна быть признана явным гомеризмом, в отличие от ροβνος, существовавшего в живом ионийском диалекте. Несомненной гомеровской цитатой является у Геродота (7,159) выражение Ἡ κα μέγ' οὐφώξετε κτλ.— ср. Il. 7,125. Число подобных примеров, конечно, может быть значительно увеличено.

¹⁴ В. S n e l l, Tyrtaios und die Sprache des Epos, Göttingen, 1969; V. N. J a r c h o, Zum Menschenbild der nachhomerischen Dichtung, «Philologus», 112, 1968, стр. 147—172.

и на восприятие им эпического языка. Но есть и другая сторона вопроса.

Если какое-то слово, встречающееся впервые у Гомера, затем обнаруживается у Геродота и в эпиграфических документах, в аттической литературе и в новозаветной прозе, то не значит ли это, что оно присутствовало в греческом языке на протяжении столетий, и что послегомеровские авторы, как и Гомер, пользовались неким общим лексическим фондом, совершенно не нуждаясь в посредничестве эпоса?

Поясним нашу мысль двумя примерами.

Однажды встречающуюся у Гомера форму *πολιήτης* (вместо обычного, хотя и не часто *πολίτης*) словари называют «эпической (или поэтической) и ионийской», поскольку она засвидетельствована у Геродота. Ход мысли в такой дефиниции ясен: эпическое слово усвоено ионийским диалектом, что и нашло отражение у Геродота. В действительности же картина представляется прямо противоположной. У Геродота слово *πολιήτης* встречается 27 раз¹⁵, дает полную парадигму склонения¹⁶ и по своей словообразовательной модели целиком соответствует эолийскому и дорийскому *πολιήτας*¹⁷. Гомер, употребляющий *πολίτης* (Il. 15, 558) и *πολίτηι* (Il. 22, 429; Od. 7, 131; 17, 206) в конце гексаметра, всего лишь однажды обращается в этой же позиции к форме *πολιήτης* (Il. 2, 806), так как *πολίτης* дадо бы здесь в пятой стопе хорей вместо дактиля. Мы можем сколь угодно высоко оценивать формотворческие способности Гомера, но при существующем количественном соотношении должны признать, что не Геродот заимствовал форму *πολιήτης* у Гомера, а ионийский рапсод позволил себе однажды, из чисто ритмических соображений, использовать форму, обыденную в ионийском диалекте уже за 300 лет до Геродота.

Аналогичный пример — столь же редкое в эпосе наречие *μεγάλως* при более частом в адвербиальном употреблении аккузативе среднего рода *μέγαλ*. У Гомера оно встречается дважды (Il. 17, 723; Od. 16, 432); у Гесиода — один раз (Theog. 429); у Геродота — 53 раза. Это соотношение, однако, не мешает А. Сидерасу (ук. соч., стр. 112) называть форму *μεγάλως* «эпико-ионической» и считать отдельные случаи ее появления у Эсхила (Pe. 906) и Еврипида (Med. 184; Tro. 844) несомненными гомеризмами. Между тем, во всех указанных пассажах у трагиков, равно как и у Аристофана во «Всадниках» (ст. 151, 172, 1162), наречие *μεγάλως* имеет то же значение «сильно», что и в огромном большинстве примеров у Геродота, а также в «Одиссее». Стало быть, значение это является первым и основным, и сохраняется на протяжении многих столетий, от Ксенофонта (Anab. 3, 2, 22; R. Lac. 4, 6) до новозаветных авторов¹⁸. Наряду с этим *μεγάλως* употребляется также в значениях «щедро» (несколько раз у Геродота; у Ксенофонта в «Киропедии», 8, 2, 10; в надписи около 100 г. до н. э. из Кноса — SIG³ 721, 20) и «великолепно» (Ag., Equ. 782; Plato, Hipp. M., 291 E; Euthyd. 284 E) — ни одно из них, как видим, не является продолжением того варианта в семантике *μεγάλως* («мощно»), который представлен в кн. 17 «Илиады» и у Гесиода. Поэтому последний надо считать результатом побочного развития, исходящего из основного значения наречия *μεγάλως* и закрепившегося в поэтическом языке, а отнюдь не первоисточником употребления *μεγάλως* у Геродота и Ксенофонта, у Платона и в Новом завете.

¹⁵ См. J. E. P o w e l l, A Lexicon to Herodotus, Cambr., 1938 (Hildesheim, 1960), s. v. *πολιήτης*. Дважды встречающаяся в рукописях форма *πολίτης* (1, 96, 3; 8, 75, 4) объясняется, возможно, аттическим влиянием, см. R o s e n, ук. соч., стр. 60 и 206.

¹⁶ Там же, стр. 60; W. A l y, Herodots Sprache, «Glotta», 15, 1926, стр. 108.

¹⁷ C. D. В u c k, The Greek Dialects, Chicago, 1955, стр. 133, § 167; R o s e n, ук. соч., стр. 55, прим. 96.

¹⁸ См. K. В a u e r, Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments ..., Nachdruck der 5. Aufl., B., 1963, s. v. *μεγάλως*.

Из этих двух примеров видно, что для достижения нашей цели придется пользоваться по отношению к языку Гомера некоторой хронологической экстраполяцией, поскольку мы не располагаем источниками, синхронными периоду ионийского завершения гомеровских поэм: древнейшие надписи VIII—VII вв. в прозе слишком незначительны по объему; ранние надгробия в гексаметрах находятся в той же сфере эпического стиля, что и поэмы Гомера. Однако мы не считаем неизбежную экстраполяцию такого рода предосудительной: греческая лексика отличается исключительной устойчивостью на протяжении тысячелетий, и если какой-нибудь *κοιλοῦργός*, засвидетельствованный в микенских архивах в форме **Filo-Forγός*, встречается затем, через тысячу лет, в документах эллинистического времени, то микенская же *ράπτρια* дожила в слегка измененном звучании до современного греческого языка¹⁹. В то же время такие памятники греческого языка античного периода, как диалог в комедии, деловые документы, научная проза и тем более новозаветная литература, совершенно исключают возможность воздействия на них эпического стиля и являются потому надежными показателями сохранения того или иного слова в глубинных слоях обычного разговорного языка²⁰ — того языка, из которого заимствовали лексику ионийские аэды, как это делали в свое время их ахейские и эолийские предшественники по отношению к языку ахейских государств, фессалийских и эолийских общин.

Итак, перейдем к некоторым из тех слов в послегомеровских памятниках, которые исследователи обычно относят к числу гомеризмов.

Эсхилевский Агамемнон называет доставшуюся ему в добычу Кассандру *ἐξάριετον ἄνθος* «избранным цветком, даром войска» (Ag. 954 s.), и такой видный исследователь Эсхила, как Эд. Френкель, считает употребление прилагательного *ἐξάριετος* здесь и в «Евменидах», 402 (*ἐξάριετον δῶριμα*), равно как и у Геродота, продолжением гомеровского словообразования: в II, 2.227, Ферсит упрекает в корыстолюбии того же Агамемнона, поскольку у него в шатре и без того множество «избранных женщин» (*ἐξάριετο: γυναῖκες*), дарованных ему ахейцами из добычи²¹. Можно согласиться с Эд. Френкелем, что ситуация, изображаемая в «Агамемноне», достаточно близка к ситуации, изображаемой в «Илиаде», — в обоих случаях вождь ополчения получает при захвате города «избранную» долю добычи. Но из этого нельзя делать вывод, что раздел добычи и выделение наиболее выдающимся членам общины «избранного» дара стали практиковаться греками только в момент оформления гомеровских поэм и что до этого времени они не знали слова *ἐξάριετος*, обозначающего такую «избранную», «отборную» долю. В целом ряде случаев, где мы встречаем это прилагательное, оно характеризует именно подобного рода наделение кого-нибудь почетным даром. Иногда инициатива такого одаривания принадлежит царю (Herod., 2, 98, 141; 3, 84; Xen., Cyn. 8, 4, 29), но те же Геродот и Ксенофонт сообщают примеры вполне демократической проце-

¹⁹ Я пользуюсь здесь примерами из доклада И. М. Тронского «Некоторые итоги развития микенологии» (ВДИ, 1971, № 2, стр. 89). К этому следует добавить, что само слово *κοιλοῦργός* впервые обнаружено в эллинистических папирусах только в нашем столетии, — см. LSc Supplementum, Oxf, 1968, s. v.

²⁰ В отношении новозаветных авторов об этом писал еще С. И. Соболевский в статье «Κοινὴ» (Правосл. богосл. энциклоп., т. 9, 116., 1908, стб. 611 сл.). Того же мнения придерживались Г. Эбелинг (H. E b e l i n g, Griechisch-deutsches Wörterbuch zum Neuen Testament, Lpz., 1913, стр. III), Ф. Бласс и А. Дебруннер (F. B l a s s, Grammatik des neutestamentlichen Griechisch, 10. Aufl. von A. Debrunner, Göttingen, 1959, стр. 3; A. D e b r u n n e r, Geschichte der griechischen Sprache. II. Grundfragen und Grundzüge des nachklassischen Griechisch. 2. Aufl., von A. Scherer, B., 1969, стр. 66 сл., § 110—111).

²¹ Aeschylus Agamemnon, with a commentary by Ed. Fraenkel, т. II, Oxf., 1950, стр. 433.

дуры, завершившейся выделением особо отличившимся лицам избранной (ἐξαιρέτα) доли добычи: так было поступлено с самим Ксенофонтом (Anab. 7, 8, 23), а за 80 лет до этого — с воинами, отличившимися при Платеях, и с Павсанием, которому было отобрано всего и дано (πάντα... ἐξαιρέθη τε καὶ ἐδόθη) в 10 раз больше (Herod., 9, 81). Употребление здесь ἐξαιρέτος рядом с личной формой от глагола ἐξαιρέω показывает, что современники Геродота отчетливо ощущали в ἐξαιρέτος не архаический поэтизм, а живое слово с вполне конкретным значением.

Еще больше это подтверждается декретом начала IV в. до н. э. с о-ва Иссы (SIG³ 141, 3—7), где ἐξαιρέτος встречается трижды на протяжении четырех строк, излагающих решение народного собрания о предоставлении первым поселенцам, выводимым на о-в Коркиру, права получить «избранные» (ἐξαιρέτων) участки земли²² для дома и виноградника. Едва ли гражданам заброшенной чуть ли не на самый край тогдашнего греческого мира Иссы, принимая это постановление, вспоминали гомеровские стихи, они попросту называли «избранным» то, что кем-то избирается. А так как обычай представлять «избранную» долю лучшим существовал, надо думать, задолго до оформления гомеровских поэм, то и прилагательное ἐξαιρέτος надо считать рядовым словом греческого языка, бытовавшим в нем задолго до Гомера и много столетий после него²³. Словообразовательная модель ἐξαιρέτος — пропарокситонное отглагольное прилагательное с адвербиальным префиксом — может быть без труда обнаружена во всех сферах литературного языка, в том числе и в прозе (ср. ἐπίκλητος, ἐξάγγελτος, ἔκκρητος), и если бы, по воле случая, до нас не дошел гомеровский стих из книги 2 «Илиады», никому и в голову не пришло бы заподозрить в обычном слове ἐξαιρέτος какие-либо следы эпического происхождения²⁴.

Для глагола ἔρδω в значении «совершать жертвоприношение» мы не располагаем таким количеством примеров из прозаических жанров, как для прилагательного ἐξαιρέτος, хотя и в эпосе это словоупотребление представлено не очень широко: восемь раз в гомеровских поэмах, четырежды у Гесиода. Из них шесть раз дополнением служит ἐκατόμβας с предшествующим определением (Il. 1, 315; 2, 306; Od. 7, 202; 11, 132=23, 279; 13, 350), три раза (Od. 23, 277; Hes., Theog., 417; fr. 283, 3) — ἑρὰ καλά, составляющие вместе со спондеевскими формами от глагола ἔρδω явную формулу для первой половины стиха²⁵. Таким образом, глагол ἔρδω принадлежит к сфере культовой терминологии (в этой связи он употребляется и у Геродота, 1, 131; 4, 33, 60), что подтверждается также сделанной в 450/449 г. записью закона милетских жрецов (молпов), восходящего к тексту VI в. (SIG³ 57, 15), и надписью на алтаре с о-ва Фасос (προσέρδεν — там же, 1033а, около 490—480 гг.). Поскольку обычай жертвоприношения богам, несомненно, древнее всякой эпической поэзии, то и здесь надо предположить проникновение глагола ἔρδω в словарь эпоса и Геродота из ритуального лексикона, а не развитие в противоположном направлении, от Гомера к ритуальному словарю.

Более сложный, но в своем роде не менее показательный пример представляет существительное ἰχθυήρ, которое обозначает у Гомера влагу, заменяющую богам кровь. Встречается оно в эпосе всего два раза, в кн. 5

²² Ср. у Платона в «Законах», 5,738D, о выделении «отборных участков» (ἐξαιρέτα τεμῆνῃ) для богов-покровителей.

²³ Ср. Heliodor., Aithiор., 1, 23, — «избранные», «отборные» вещи для предводителя разбойников Фиамиды.

²⁴ Второй раз ἐξαιρέτος встречается в Od. 4, 643, где речь идет о спутниках Телемаха, «избранных юношах» Итаки.

²⁵ Ср. также ἔρδων θ' ἑρὰς ἐκατόμβας во второй половине стиха (Od. 11, 132) с формульным окончанием стиха ῥέξαι (ῥέξης) θ' ἑρὰς ἐκατόμβας (Od. 3,144; 4,478).

«Илиады» (ст. 340, 416), затем — у Эсхила (Agam. 1480), после чего появляется только в позднейшей прозе и естественно-научной литературе: в корпусе Гиппократов, у Платона и Аристотеля для обозначения сыворотки, гноя, околоплодной жидкости²⁶. На этом основании М. Лойман, ревниво оберегая приоритет гомеровского словаря, делал заключение, что более позднее, специальное значение возникло из эпического: «Кровяная сыворотка была бы недостойной обозначать божественную кровь»²⁷. Однако никто не возьмется с уверенностью сказать, как представлял себе Гомер влагу, текущую в жилах у богов. И хотя Лойман считал единственный случай употребления *ἰχθῆρ* в эпосе достаточным, чтобы возвести к нему с е м в далеко разошедшихся значений этого слова у Аристотеля (см. *ἰχθῆρ* в указанном словаре Бонитца), нам представляется более вероятной обратная картина: Гомер использовал в своих целях прозаическое слово, обозначавшее нечто влажное, текучее, но в поэтическом языке оно не прижилось, — может быть, именно потому, что продолжало существовать в обиходной речи, пока не вошло в литературный язык через естественно-научный лексикон Гиппократов и его школы.

Близкую к *ἰχθῆρ* судьбу имело, судя по всему, и существительное *κλαυθμός* «стенание, стон, вопль». А. Сидерас пишет по поводу *κλαυθμός*: «Это гомеровское слово (в „Илиаде“ только в кн. 24, 217, зато много раз в „Одиссее“) проходит через всю греческую литературу, — древнюю, средневековую, новую, хотя в древности оно появляется не столь часто» (ук. соч., стр. 29). Сидерас, очевидно, не понимает противоречивости своей позиции: слово, которое засвидетельствовано в эпосе даже много раз, но затем остается в греческом языке на протяжении тысячелетий, не может быть названо «гомеровским». Как указывает в примечании сам Сидерас, сохранение *κλαυθμός* до нынешних дней не говорит в пользу его прямого происхождения от Гомера; он объясняет этот факт влиянием Нового завета, ссылаясь, в частности, на ставшее поговорочным выражение *ὁ κλαυθμός καὶ ὁ βρυγμός τῶν ὀδόντων* («стон и скрежет зубов», Ev. Matth. 8, 12)²⁸. При этом, однако, Сидерас не замечает, что и в «Одиссее» *κλαυθμός* чаще всего выступает в соединении с *γῶς* (4, 801; 17, 8; 21, 228; 24, 323; один раз, 22, 501, — со *στοναχῆ*), входя, таким образом, в состав традиционного фольклорного двучленного сочетания. В такой же позиции мы встречаем *κλαυθμός* (в одном случае из трех) и у Геродота (*βοῆ τε καὶ κλαυθμῶ*, 3, 14), и у совсем не склонного к поэтическому строю речи Аристотеля (*κλαυθμοὶ καὶ διατάσεις τῶν παιδῶν*; Pol. 7, 17, 1336a 35). Видимо, сама семантика слова *κλαυθμός* требовала в языковом сознании греков какого-то усиления или дополнения, и этой потребности отвечали двучленные формулы²⁹, складывавшиеся в языке и засвидетельствованные столь разными жанрами, как эпос и евангелия, новелла Геродота и предписания Аристотеля. Следовательно, и в этом случае надо говорить не о заимствовании Эсхилом или Геродотом «гомеровского» слова, а об использовании Гомером общераспространенной лексики и сложившихся норм словосочетания³⁰.

²⁶ Hippocr., Fract. 5; Vuln. cap. 19; Mul. 1, 8 et 64; Cord. 11; Loc. hom. 12; Plato, Timaeus 82E, 83C; Aristoteles: H. Bonitz, Index Aristotelicus, B., 1870, s. v., §§ 1—5.

²⁷ Leiman, ук. соч., стр. 310.

²⁸ Выражение повторяется затем несколько раз в том же евангелии от Матфея (13, 42 и 50; 22, 13; 24, 51; 25, 30) и от Луки (13, 28).

²⁹ Ср. *κλαυθμός μετὰ δακρύων* (Diod. Sic., 32, 6); *καὶ κλαυθμός...*, *καὶ πολλὸς οἰκτός...* (Plut., Rom. 19); *φωνὴ μετὰ κλαυθμοῦ* (Sept., Genesis 45, 2).

³⁰ Что *κλαυθμός* оставалось общепринятым словом, видно из его употребления у неизвестного античного грамматика, который пользуется им для объяснения эолийского *γῶς* — см. O. Hoffmann, Die griechischen Dialekte ..., т. II, Göttingen, 1893, стр. 228.

Сохранившееся до наших дней в греческом языке существительное *κλαυθμός* образует своего рода переход к той группе слов, которые в литературе классического периода не выходят за рамки поэтических жанров и, таким образом, могли бы считаться заимствованиями из Гомера, если бы слова эти уже на рубеже классического периода не появлялись в специальной литературе, а затем и в поздней прозе, включая сюда новозаветную, и не доживали до современного греческого языка.

Одним из наиболее интересных слов этой группы является существительное *ἄγλος*. У Гомера оно употребляется двояко. В буквальном смысле *ἄγλος* обозначает тьму, покрывающую небо (Od. 20, 357), или облако мрака, обволакивающее человека и лишаящее его способности видеть вокруг себя (Il. 5, 127; 20, 321 и 341; ср. также странный пассаж в Il. 15, 668, где Афина разгоняет мрак, о котором до тех пор не было и речи³¹). В переносном смысле *ἄγλος* обозначает тьму, застилающую глаза умирающего, тяжело раненного, разгневанного (Il. 5, 696; 16, 344; 20, 421; Od. 22, 88), и переосмыслением этого употребления является известная характеристика влюбленного у Архилоха (fr. 112 D — «в глазах темнеет» от страсти) и опьяневшего — у Крития (fr. 6, 11 D). Наконец, уже у Аристотеля мы встречаем *ἄγλος* в таком значении при описании состояния человека, ужаленного ядовитой змеей (fr. 327); совпадение выражений у Аристотеля (*καταχρῆσθαι ἄγλόν κατά ὀμμάτων πολλήν*) и в эпосе (*κατά δ' ὀφθαλμῶν κέρυτ' ἄγλος*) говорит, на мой взгляд, вовсе не о заимствовании поэтического образа в совершенно клинической картине болезни, а о прозаическом происхождении гомеровского тропа, близкого к обыденной речи. В последующей литературе такое переносное значение не встречается, если не считать одного пассажа из новозаветных «Деяний апостолов» (13,11), где сочетание *ἄγλος καὶ σκότος* («мрак и тьма») характеризует состояние ослепшего³².

Зато очень широко представлено конкретное значение — «мрак, тьма, мгла» как природное явление. Начало этому дает опять Аристотель (пять примеров в «Метеорологии»), затем следует Полибий (34, 11, 15), Страбон (6, 2, 8), переводчик ветхозаветной книги Иова Симмах (II—III вв. н. э.)³³. Иосиф Флавий употребляет *ἄγλος* в ситуации, очень сходной с гомеровской: по просьбе израильского пророка Елисея бог окутывает мраком сирийское войско, которое в результате не только лишается возможности напасть на царя Иорама, осажденного в Самарии, но даже само попадает в его руки (Ant. Jud., 9, 56).

Наконец, уже с V в. до н. э. *ἄγλος* приобретает специальное медицинское значение (от «затемнения» на зрачке как следствие его поражения до «катарактов») и сохраняет его в течение тысячелетия³⁴.

Примерно такое же положение складывается и с существительным *λαίλαψ* «вихрь, ураган». После Гомера (Il. 4, 278; 11, 747; 16, 365 и др.) и единичных случаев в памятниках классической эпохи (Semon., 1, 15; Aesch., Suppl. 34) оно появляется не ранее чем через полтора столетия в приписываемом Аристотелю небольшом сочинении «О космосе» (4, 395а 7),

³¹ В Od. 7,41, где Афина обволакивает мраком Одиссея, чтобы его не увидели раньше времени феаки, — явное «злоупотребление» старой формулой.

³² Метафорическое употребление *ἄγλος* «мрак», «скорбь», «печаль» (Aisch., Pe. 667; Eum., 379; Dio Cass., 38, 19; Plut., Mor. 2, 42 C) мы оставляем здесь без рассмотрения, как не встречающееся у Гомера.

³³ F. Field, Origenis Hexapla, Oxf., 1875; ad Job. 3,5 (др. евр. ἄναπα облако). Другие варианты перевода: νέφος, σύννεφα. В Септуагинте — γνόφος.

³⁴ Hippocr., Prorrh. 2,20; Theophr., Hist. plant. 7,6,2; Diosc., 2,78; Galen., 14, 774 K; Aët., 7,27.

потом у Арата (Phaen. 760) и в наговоре эллинистического времени³⁵, у Полибия (30, 11, 6) и Плутарха (Timol. 28, 3), в «Септуагинте» (Job. 21, 18) и в Новом завете (Ev. Marc. 4, 37; Ev. Luc. 8, 23; 2 Petri ep. 2, 17).

Можно ли объяснить появление таких слов, как *ἀγλός* и *λαίλαψ*, в естественно-научных трудах Аристотеля или древнегреческих врачей, в языке Плутарха и евангелистов заимствованием у Гомера? Крайне маловероятно. В частности, *λαίλαψ* встречается в эпосе либо в описаниях бури, грозы, либо как объект сравнения (*λαίλαπι ἴσος*) и употребляется только в двух падежах (дательном и винительном), в то время как у Аристотеля (или его ученика) ему дается научное определение («воздух, вздымаемый снизу вверх»). И если Полибий и Плутарх знали Гомера, а второй из них, при его огромной начитанности, мог знать и аристотелевский трактат, то нет никаких оснований заподозрить в этом новозаветных авторов, равно как и приписывать им сознательное стремление к возрождению эпического словаря. Напротив, попадающийся дважды у позднего переводчика Ветхого завета Аквилы глагол *λαίλαπιζω* (Ps. 49, 3; 57, 10) лишний раз показывает, что слово *λαίλαψ* продолжало существовать как живое и во II в. н. э. Следовательно, гомеровские формулы, закрепившие *ἀγλός* и *λαίλαψ* в эпосе, — только одно из отражений существования этих слов в разговорном греческом языке, где они едва ли воспринимались когда-нибудь как специально поэтические.

Наряду с отдельными словами часто считают гомеризмами также некоторые словосочетания, которые, на наш взгляд, путем сопоставления их с более поздними памятниками могут быть квалифицированы в противоположном направлении, т. е. как принадлежность обыденной речи.

Среди так называемых «гомеризмов» Геродота уже около ста лет, начиная с работы Хофера³⁶, числится выражение *ἐπὶ ἔυρου ἀκμῆς* («на острие бритвы»), которым Нестор у Гомера (II. 10, 173) и вождь фокейцев Дионисий у Геродота (6, 11) обозначают всю ответственность возникшего момента. Между тем, та же мысль в сходных выражениях представлена у Феогнида, 557, в эпитафии коринфянам, приписываемой Симониду (Ant. Pal. 7, 250), у Эсхила (Cho. 883), Софокла (Ant. 996), Еврипида (Herc. F. 630), а также у более поздних авторов: Феокрита (22,6), Лукиана (Jur. frag. 3), Плутарха, Элиана и далее, до византийца Мануила Палеолога³⁷. По свидетельству Сидераса, многочисленные варианты этого оборота можно встретить в новой греческой литературе вплоть до нынешнего дня (ук. соч., стр. 190). Должны ли мы считать «изобретателем» этой поговорки Гомера, или разумнее предположить, что интересующее нас выражение возникло не намного позже, чем были изготовлены первые неолитические бритвы, и что стих из «Долонии» является только первым по времени свидетельством его употребления у греков?

³⁵ F. Preisigke Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten, I, 1915, № 4324, 15. К форме *λαίλαψ* см. A. Debrunner, Geschichte der griechischen Sprache, t. II, 2. Aufl., von A. Scherer, B., 1969, § 106 (стр. 64).

³⁶ P. C. Hofer, Über die Verwandtschaft des herodoteischen Stiles mit dem Homerischen, Meran, 1878; E. Norden, Die antike Kunstprosa, 2. Aufl., Lpz, 1909, стр. 40; F. Jacoby, RE, Supplem. II, 1915, стб. 502—504; Leumann, ук. соч., стр. 304. Здесь нет возможности касаться вопроса о степени воздействия на язык Геродота гомеровского словаря в целом. В активной «прогомеровской» позиции Якоби — Лоймана было, несомненно, много увлечения, приведшего к преувеличению в стиле Геродота эпического элемента. В этой связи обращает на себя внимание значительно более сдержанное мнение Эд. Швицера (Ed. Schwyzer, Griechische Grammatik. т. I, 2 изд., München, 1953, стр. 113 сл.) и В. Пизани (V. Pisani, Storia della lingua Greca, Torino, 1959, стр. 103 сл.), не говоря уже о совершенно ином подходе ко всей проблеме со стороны Х. Розена (см. прим. 12).

³⁷ Paroemiographi Graeci. Ed. E. Leutsch et F. Schneidewin, vol II, Gottingae, 1851, стр. 28, прим. к № 63.

Другим гомеризмом того же Геродота нередко считают вопросительно-негодующее $\kappa\omicron\iota\omicron\nu\ \epsilon\phi\theta\acute{\epsilon}\rho\epsilon\gamma\chi\omicron\ \acute{\epsilon}\pi\omicron\varsigma$ (5, 106, 3; 7, 103, 1) — «что за слово ты сказал?». Его сопоставляют с гомеровским $\pi\omicron\iota\omicron\nu\ \tau\omicron\nu\ \mu\acute{\upsilon}\theta\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\iota\pi\epsilon\varsigma$ (II, 1, 552 et al.) и даже с еще более возвышенным $\pi\omicron\iota\omicron\nu\ \sigma\epsilon\ \acute{\epsilon}\pi\omicron\varsigma\ \phi\acute{\upsilon}\gamma\epsilon\nu\ \acute{\epsilon}\rho\kappa\omicron\varsigma\ \acute{\omicron}\delta\omicron\nu\tau\omega\nu$ («какое слово выбежало у тебя за ограду зубов?») — II, 4, 350 et al.). Разумеется, с образным оборотом такого типа геродотовская фраза имеет мало общего, не считая сочетания «какое (что за) слово...?», для которого едва ли специально требуется эпический образец. С нашей точки зрения, гомеровское $\pi\omicron\iota\omicron\nu\ \tau\omicron\nu\ \mu\acute{\upsilon}\theta\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\iota\pi\epsilon\varsigma$ и — еще больше — совсем лаконичное $\pi\omicron\iota\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\iota\pi\epsilon\varsigma$ (II, 13, 824; Od. 2, 85 et al.) дают основание для иного сопоставления. Во всех подобных случаях местоимение $\pi\omicron\iota\omicron\varsigma$ служит не для простого вопроса, а выражает удивление, возмущение, негодование, т. е. употребляется в том же значении, как в аттической комедии и прозе. Из многочисленных примеров у Аристофана назовем здесь Ach. 761 и Lys. 1178, где вопросы $\pi\omicron\iota\alpha\ \sigma\chi\acute{o}\rho\omicron\delta(\alpha)$ и $\pi\omicron\iota\omicron\iota\omicron\sigma\iota\nu\ \dots\ \xi\upsilon\mu\mu\acute{\alpha}\chi\omicron\varsigma$ выражают крайнюю степень негодования или нетерпения; в диалогах Платона наиболее яркий случай — Gorg. 490 DE³⁸.

Конечно, гомеровское $\pi\omicron\iota\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\iota\pi\epsilon\varsigma$ даже в самых аффективных высказываниях звучит несравненно более возвышенно, чем восклицание аристофановского мегарца («какой еще чеснок?»). Но облагороженное гексаметром негодование гомеровских героев выливается все же в форму, заимствованную из живой речи. Поэтому и геродотовское $\kappa\omicron\iota\omicron\nu\ \epsilon\phi\theta\acute{\epsilon}\rho\epsilon\gamma\chi\omicron\ \acute{\epsilon}\pi\omicron\varsigma$ не следует рассматривать как гомеризм — это такое же эмоционально окрашенное высказывание, как у Аристофана и Платона.

Характерным примером того, как мало-мальски образные фразеологизмы греческого языка привыкли соизмерять с Гомером, может служить оценка сочетания наречной формы $\acute{\omicron}\xi\acute{\upsilon}$ («остро») с глаголом $\acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\epsilon\iota\nu$. Сочетание это встречается у Гомера всего один раз (II, 17, 256) и по одному разу у Эсхила (Suppl. 910) и Еврипида (Or. 1530); уже известный нам Сидерас оценивает указанные пассажи у трагиков, естественно, как «гомеризмы», ссылаясь при этом на авторитет Кайбеля, который употребленное Софоклом сочетание $\acute{\omicron}\xi\epsilon\iota\alpha\ \acute{\alpha}\kappa\omicron\eta$ («острый слух») считал возникшим по образцу гомеровского $\acute{\omicron}\xi\acute{\upsilon}\ \acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\sigma\epsilon\nu$ ³⁹. Между тем, определение слуха или зрения как «острого» возникает, судя по его международному характеру, на достаточно ранней стадии языкового мышления. Наречие $\acute{\omicron}\xi\acute{\upsilon}$ ($\acute{\omicron}\xi\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\nu$, $\acute{\omicron}\xi\acute{\upsilon}\tau\alpha\tau\omicron\nu$) при глаголах $\beta\lambda\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\nu$, $\acute{\omicron}\rho\acute{\alpha}\nu$ широко распространено в греческой прозе и комедии — у Аристофана (Lys. 1202; Pl. 210, 1048), Платона (Symp. 219 A; Leg. 1, 631 C; 4, 715 D et al.)⁴⁰, Аристотеля (Gener. anim., 780 b 16 s; 779 b 17 et al.). Если нечто подобное встречается и у Гомера (cf. II, 14, 345; 17, 675; 23, 477), то отсюда вовсе не следует, что аттические авторы стремились подражать его лексикону, — гомеровские примеры надо рассматривать просто как первую литературную фиксацию метафоры, присутствующей самому широкому слою разговорной речи.

Имеем ли мы, впрочем, право приписывать гомеровскому языку не только прозаическую лексику, но и обиходные интонации? Достаточно несколько примеров, чтобы ответить на этот вопрос положительно.

У аттических авторов, и притом в самых различных жанрах, встречается форма императива от глагола $\acute{\alpha}\gamma\omega$, превратившаяся в побудительное междоме-

³⁸ К этим примерам можно прибавить различные формы от $\pi\omicron\iota\omicron\varsigma$ в риторическом вопросе с негодующей интонацией в 6 речи Лисия (§§ 33, 40, 49 bis, 53 ter), а также два случая в тексте трагиков (S o p h., Trach., 427; E u r., Hel. 567). Разумеется, они вовсе не стремились воспроизвести гомеровское $\pi\omicron\iota\omicron\nu\ \tau\omicron\nu\ \mu\acute{\upsilon}\theta\omicron\nu$, а попросту отражали повседневную норму аттической речи.

³⁹ Sophokles Elektra erklärt von G. Kaibel, Lpz, 1896, стр. 72.

⁴⁰ Ср. также у Платона: $\acute{\epsilon}\xi\upsilon\chi\acute{\alpha}\kappa\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\iota\sigma\theta\eta\varsigma$ (Tim. 75b).

тие ἄγε («ну же!»), которое соединяется не только со звательным падежом имени и императивом единственного числа, но и с императивом множественного числа («ну же, делайте!»), или с 1 лицом конъюнктива множественного числа («ну же, будем делать...!»)⁴¹ — вернейший показатель того, что глагольное значение формы ἄγε уже утрачено. Подобные же сочетания — конечно, в прямой речи — находим достаточно часто в гомеровских поэмах: с императивом множ. числа (Il. 2, 331; 6, 376; Od. 3, 475 etc.), с первым лицом мн. ч. конъюнктива (Il. 1, 62; 3, 441; 4, 418 = 5, 718; 11, 348; 14, 314; Od. 4, 776 etc.). Таким образом, поскольку мы имеем дело с явлением, широко распространенным во всех стилях речи, ясно, что не последующие авторы заимствовали междометие ἄγε из эпоса, а сам эпос вбирал в себя повседневные речевые интонации, отличавшиеся достаточной устойчивостью на протяжении столетий.

Другим примером может служить одна из функций очень распространенного в эпосе (и вообще в греческом языке) глагола οἶμαι (гомер. οἶμαι или οἶω), употребленного в качестве вводного слова «думаю», «полагаю». «Завтра, я полагаю, будет он лежать сраженным в первых рядах», — говорит Гектор о Диомеде (Il. 8, 536), вкладывая в οἶω несомненную уверенность в исполнении ожидания⁴². В точно таком же значении мы встречаем οἶμαι в аттической прозе, где оно может стоять даже между артиклем и существительным⁴³. Разговорный характер таких оборотов речи очевиден и для прозы IV в., и для Гомера.

Наконец, стоит упомянуть засвидетельствованный у Гомера так называемый *dat. ethicus*: εἰπέμεναι μοι, Τρώες, ἄγαυοὶ Ἴλιονῆος ἢ πατρὶ φίλῳ... (Il. 14, 501 сл.) — «Скажите-ка, вы у меня, троянцы, милому отцу славного Илионея...», — восклицает ахеец Пенелей, гордясь победой над троянцем. Звучащая здесь обиходная интонация объединяет гомеровский стих и с репликой Фидиппида в аристофановских «Облаках» (ст. 111), и еще более определенно — со словами платоновского Сократа: Καὶ μοι, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, μὴ θορυβήσητε (Ar., 20 e) — «Вы у меня, граждане афиняне, не шумите»...

Последние из приведенных нами примеров выходят за пределы того, что принято считать гомеризмами: ни междометие ἄγε, ни вводное οἶμαι, ни *dat. ethicus* не относятся к числу заимствований из Гомера даже самые восторженные его поклонники. Однако эти примеры подтверждают положение, которое мы стремились доказать в настоящей статье: в формировании языка эпоса и на его ионийской стадии продолжали играть известную

⁴¹ ἄγε с императивом множ. числа: S o p h., Trach., 1255; E u r., Suppl. 258; cf. Cycl. 590; A r i s t o p h., Eq. 634—637; Vesp. 1517—1522; Pax, 1115; Av., 656 сл., 685—688, 1744 сл.; Lys. 1273—1275; Thesm., 778 сл., 947; Ran., 382 сл., 394 сл.; Eccl. 268; ср. E u p o l., fr. 303 Edm. Употребление ἄγε в таком сочетании прослеживается вплоть до Нового завета (Лас. ер. 5, 1; ср. 4, 13). Ср. также после ἄγε придаточное, вводное πῶς со сказуемым во множ. числе: E u r., Cycl. 620; A r i s t o p h., Eq. 1011; cf. Vesp. 211—213, 303—306; P l a t o, Ion. 530A. Ср. C e r p h i s o d. fr. 12 Edm. ἄγε с первым лицом множ. числа конъюнктива: A e s c h. Suppl. 625; Pers. 140; Eum., 307; E u r., Hipp. 288; A r i s t o p h., Vesp., 1264; Pax, 508, 851; Ср. также Pax, 263 Av. 1574; Thesm. 652; P l a t o, Phaedr. 116 D., Resp. 8, 543 C.

⁴² Другие примеры: Il. 13, 153; Od. 2, 255; 14, 363; 16, 309; 22, 140; 23, 261.

⁴³ X e n., Mem. 2, 2, 9; 2, 7, 5 и 9; 3, 14, 2; 4, 2, 37; Cyr. I, 3, 11; P l a t o, Phaedr. 235 C; Prot. 323 D; Gorg., 483 C; Hipp. M., 284; Resp. 564 A bis., 568 C; Leg. 7, 798 D, 819 E; D e m., 20, 3; 54, 38. Встречается также в трагедии (A e s c h., Cho. 758; возможно, S o p h., Phil., 498) и в комедии: A r i s t o p h., Eq. 429; Nub., 1112, 1185; Pax, 1286; Av., 75; Lys. 81, 156, 998, 1256 (в дорийской форме οἶω; также у комического поэта Эпилика, fr. 3 Edm.); P l a t o, Som., fr. 124 Edm.; D i o c l., fr. 9 Edm.; A r i s t o p h o n t., fr. 2 и fr. 14 Edm.; E u b u l., fr. 116 Edm.; M e n a n d r., Dysc. 429, 730, 895; Peric., 113, 152; Epit. 760; Sam., 83, 157; S o c i e r., fr. 1 Edm.; A n o n y m. com. novae, fr. 119 Edm.

роль различные разновидности прозаической речи. Поскольку материалом для наших экстраполяций служили преимущественно аттические и ионийские источники (включая сюда и возникшее на их основе эллинистическое койне), то можно, очевидно, сделать вывод, что рассмотренные нами слова и обороты составляют, хоть и ничтожную, но все же часть обыденного греческого языка эпохи, непосредственно предшествовавшей завершению гомеровских поэм, и что они так же вошли в состав эпического языка, как это произошло ранее с ахейскими прозаизмами на начальной стадии формирования эпоса.

ON SO-CALLED HOMERICISMS IN ANCIENT GREEK

by *V. N. Yarkho*

For many centuries the Homeric poems were the earliest known monuments of the Greek language, and it is not surprising that every correspondence with the Homeric lexicon discovered in later Greek literature was explained as an epic reminiscence. The decipherment of the Mycenaean tablets should alter this. In particular, quite a few words hitherto regarded as peculiar to «poetic» style are now seen to have been part of everyday speech in the Mycenaean epoch, reflected in economic accounting documents. This new perspective on the language has great methodological value for understanding the last stage in the formative process of the heroic epos. For instance if a word met first in Homer appears also in Herodotus and in epigraphical documents, in Attic prose and in treatises of Hippocrates or Aristotle, in Hellenistic papyri and in the New Testament, this need not mean that the word was borrowed from the epic; it is more likely that the word remained in the general Greek lexical fund for centuries, available for use alike by the rhapsodes of the VIII—VII centuries B. C. and by the propagators of the Christian faith in the II—III centuries A.D.

Looking through the sources with this in mind the author concluded that words like *ἐξαιρέτως*, *ἔρδω*, *ἰχῶρ*, *ἀχλὺς*, *λαίλαψ*, and the proverbial expression *ἐπὶ ξυροῦ ἀκμῆς*, usually regarded as «Homericisms», are probably no such thing but were always part of Ionic-Attic ordinary speech, from which they were taken by the rhapsodes at the last stage in the formation of the epos.

